

Геннадий Прашкевич

ПЁС ГОСПОДЕНЬ

рукопись, найденная в библиотеке
монастыря Дома бессребреников

МОСКВА
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П70

Прашкевич, Г.

П70 Пёс Господень / Г. Прашкевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 328 с.

ISBN 978-5-521-74041-3

В историко-авантюрном романе Геннадия Прашкевича «Пёс Господень» действуют алхимики и рыцари, колдуньи и короли, венецианский дож, еретики и бароны, пираты и верные псы святого Доминика. Четвертый крестовый поход начался в 1202 году с острова Лидо (Венеция), но в пути жадные венецианцы уговорили рыцарей высадиться под стенами Константинополя. В результате штурма «город городов» Константинополь пал. На фоне величественных событий развивается трагическая история некоего Ганелона, выросшего в древнем французском замке Процинта и считающего свою хозяйку колдуньей. Связав свою жизнь с доминиканцами, Ганелон мечтает спасти душу прекрасной владелицы замка. К счастью или к несчастью, не всё в этом мире удастся даже самым сильным людям.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74041-3

© Геннадий Прашкевич, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

*Говорю вам тайну: не все мы
умрем, но все изменимся.*

І-е посл. коринфянам, 15, 51

Часть первая
КЛАД ТОРКВАТА
1192

I—IV

«...ни ветерка.

Ганелон оглянулся.

Свет небесный, Святая роза, дева Мария! Матерь Долороса скорбящая, без первородного греха зачатая! Брат Одо отпустил мне грехи, но помоги, помоги, слаб я! Избавь от огня ада, укрой от глаза дурного!

Ганелон издали с ненавистью следил за легкой фигуркой Амансульта, то пропадающей в оврагах, густо заросших ежевикой и бузиной, то вновь возникающей на крутых травяных склонах среди ромашек, почему-то желтоватых, не белых, как всюду. И редкие буки и дубы здесь казались некрупными, — до тех пор, пока Амансульта не входила в тень, отбрасываемую их громадными кронами...

Ганелон пугливо перекрестился.

Хильдегунда дура. Все старые служанки дуры.

Все старые служанки считают, что девица в семнадцать лет все еще должна прислушиваться к многочисленным советам. Погружаясь в послеобеденный тем-

ный сон, не слыша ни цикад, ни петухов, все старые служанки убеждены: любая семнадцатилетняя девица, даже такая, как Амансульта, засыпает быстро и спит сладко. Проснувшись, такие старые служанки с отчаянием видят, что в самое душное, в самое мертвое время дня их госпожа, семнадцатилетняя девица Амансульта, успела сгонять верхом на лошади в городок Берри, где, как ей сообщили, проповедует на паперти некий пилигрим из Святой земли, который, возможно, многое знает о благородных рыцарях, пропавших в песках бескрайнего Востока. А потом, вернувшись, раздраженная неверными слухами, надавала пощечин конюшему, не выбежавшему навстречу, и не пообедав, даже омовения не совершив, убежала туда, где под буками и дубами, под каштанами, всегда привлекающими диких кабанов, начинается, внезапно теряясь на склоне горы, древняя дорога, вымощенная мраморными плитами, наподобие мозаичного пола, такая древняя, что по ней, говорят, ходили еще пешие варвары короля Теодориха.

Но Амансульту манил не лес.

И манила ее вовсе не старая дорога.

С упорством, достойным лучшего применения, стремилась семнадцатилетняя хозяйка замка Процинта к искусственным тихим прудам, разбросанным, как дымные венецианские зеркала, по всему течению быстрого ручья Эрр. Пруды эти были тоже столь стары, что, несомненно, в свое время в их тусклых и безмятежных зеркалах отражались не только дикие лица упомянутых выше варваров короля Теодориха, но и длинные лица римлян, не боявшихся путей, ведущих через заснеженные горные перевалы.

Конечно, смотрелся когда-то в эти зеркала и основатель замка Процинта — истинный философ Торкват, полное имя которого тогда звучало так — Аниций Манлий Торкват Северин Боэций. Все предки его со времен императора Диоклетиана неизменно находились на верхних ступеньках власти, и были среди них императоры и консулы, священнослужители и даже папа. Как память всем Торкватам до сих пор торчит над верхним прудом, заброшенная и всеми забытая, кроме юной Амансульта, кривая, как колено, каменная башня Гонэ — пустая, пахнущая пыльной травой, сухими лишайниками, мышами, забвением.

К руинам башни Амансульта всегда поднималась одна.

Следовать за Амансультой не смел никто, даже старая Хильдегунда.

Ганелон хорошо запомнил, как жестоко наказали дружинника, однажды нарушившего запрет Амансульта. На глазах юной хозяйки замка Процинта и по ее приказу несчастному дружиннику отсеки левую ступню и отправили в деревню Эрр.

Семнадцатилетнюю хозяйку Процинты знал весь Лангедок. Кастеллоза — так ее прозвали. Замковая. То есть, девица из замка. Живущая в замке и всегда стремящаяся к другому, старому, уже не существующему — к башне Гонэ, наклонившейся над верхним прудом. Говорили, что, поднявшись к верхним прудам, Амансульта нагая носится по полянам, ныряет, как рыба, в темную воду, валяется в траве, а в покосившейся башне у нее устроен очаг. Но Ганелон знал — никакого очага в башне Гонэ нет, внутри башня вся затянута паутиной. Он, Ганелон, бывал в башне Гонэ еще до того, как Амансульта

наложила строгий запрет на все прогулки к прудам, еще до того, как его, Ганелона, отправили к Гийому-мельнику, и, конечно, задолго до того, как молодая хозяйка замка Процинта приказала своим людям восстановить древние пруды.

Да нет, раньше. Гораздо раньше! Ганелон лазал в башню Гонэ еще в те годы, когда в замке Процинта властвовал барон Теодульф, отец Амансульта, а святое странствие еще не было даже объявлено. Но башня и тогда была пуста и угрюма, а мерзкий заиленый пруд казался мертвым. Это сейчас пруды ожили, хотя никто не может сказать — зачем они понадобились Амансульту?

Кастеллоза... Замковая...

Вернувшись с горы, Амансульта требовала лимонной воды и презрительно приказывала выбросить в ров все цветы и подарки, присланные ей графом Матье де Сент-Мени. В свое время граф откупился деньгами от святого странствия, не ступил твердо на стезю святого гроба, ведущую в Иерусалим, туда, где возвышается гробница Христа. Воевать агарян ушли другие истинные паладины. А позже, несколько позже, тот же граф Матье де Сент-Мени не помог Амансульту собрать нужную сумму, необходимую для выкупа барона Теодульфа — ее отца, попавшего на востоке в руки неверных.

О, восток! Там в жгучих песках обитают неверные, там кобылы оплодотворяются ветром. Там мясо дикого верблюда, будучи сваренным, продолжает расти, а из песков, расплавленных полдневным жаром, рогатые муравьи, величиной с собаку, выкапывают рогами самородное золото. Там неверные истязают воинов христовых, попавших в их нечистые руки.

Кто выкупит барона Теодульфа?

Кто поможет девице Амансульте?

Где взять нужное золото, безанты и марки?

Многие соседи, помнящие хозяина замка Прощинта, желают самой лютой смерти барону. Так уж ведется, что сильных всегда не любят. Выкуп, потребованный сарацинами за барона, огромен. Действительно огромен. Барон томится в неволе уже два года. Вместо хвалебных баллад, сочиненных льстивыми трубадурами, вместо богохульного рева всегдашних собутыльников барон слышит только птичью речь неверных, а может, даже и этого не слышит, запертый в глухую каменную клетку, мгла которой темнит его выпуклые неистовые глаза. Ни один сосед в округе не пожелал помочь девице Амансульте, прозванной Кастеллоза. Хуже того, маркграф Девер, пользуясь отсутствием барона, пытался отрезать от ее нынешних владений изрядный кусок леса и объявил несколько деревенок своими, хотя хорошо знал — земли, имущество и люди барона Теодульфа, паладина, ушедшего в святое странствие, истинного воина христов, отнимающего у неверных гроб Господень, находятся под покровительством самого папы. Но до Рима далеко и Кастеллоза не стала искать правды в Риме, хотя начальник папской канцелярии епископ Данетти приходился ей родственником. Всего лишь за восемь дней крепкие дружинники, собравшиеся по зову Амансульты, дотла выжгли несколько отдаленных деревенок маркграфа Девера, угнали его многочисленных лошадей, даже пытались штурмовать каменный замок маркграфа и, хотя замок не был взят, вернулись в Прощинту, победно вздымая боевые значки, укрепленные на поднятых копьях.

Ведьма. Так говорили об Амансульте.

В самом верхнем узком окне донжона — башни, выше всех встающей над замком, тревожно теплится по ночам свет. В тихой зале, украшенной старыми выцветшими гобеленами, при свечах, а иногда при факелах, грея озябшие руки у огня, пылающего в огромном камине, Викентий из Баре — тщедушный монах с маленькими, всегда воспаленными глазами, тихий, как мышь, но упорный, как старая крыса, восстанавливает старые списки. Монах Викентий называет эту залу библиотекой. Здесь, поглядывая на Амансульту, он подолгу рассуждает о познании вещей божеских и человеческих. Наклоняясь к камину, чертит на остывающей, все еще как бы дышащей золе пути небесных созвездий палочкой для черчения математических фигур, а иногда произносит странные, непонятные Ганелону слова.

«Блаженствовало бы государство, если бы им управляли ученые мудрецы, или его правители стремились бы научиться мудрости...»

Ганелон этого не понимал. Да и как понять такое?

Ведь если бы государством управляли не благородные бароны с мечами в руках, а нищие старцы, произносящие всякие мудреные слова, разве стали бы прислушиваться к ним плохие люди? Разве вышли бы в поля добрые крестьяне, если б узнали, что желает этого не барон Теодульф, содержащий хорошо вооруженных дружинников, а нищий старец, у которого не только что нет дружинников, а и сам он и слаб, и сир, и ходит в простых отрепьях, и ест заплесневелый хлеб, выпрошенный на паперти? Разве не расплодись бы повсюду еретики, если бы благородные бароны не следили строго за тем, чтобы не бродили по их землям странные